

A romantic scene between a man and a woman in a fantasy setting. The man, on the left, has dark, wavy hair and is wearing a dark, textured garment. His right shoulder is covered in glowing, golden, crack-like patterns. The woman, on the right, has long, wavy brown hair adorned with small golden flowers and is wearing a light-colored, sleeveless dress. They are leaning towards each other, nearly kissing. In the background, the large, dark, scaly face of a dragon is visible, with its golden eyes glowing. The scene is filled with soft, golden light and floating pink, crystalline flowers.

Кристалльные
слёзы
Дракона

Марианна Рэй

Кристалльные слёзы дракона

<https://litres.ru/74447244>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — целительница, которая отдаёт годы жизни за каждого пациента.

Он — последний Слышащий, который слышит крик умирающих драконов.

Их связь вспыхивает мгновенно, но она под запретом. Кристаллы поют, когда они рядом. Платье Серафины светится от одного его взгляда. Узоры рисунка на руке Кайрена горят золотом от одного её прикосновения. Они могут спасти мир. Или сгореть друг в друге. Третьего не дано.

Содержание

Глава1. Крик кристалла	4
Глава2. Жених	10
Глава3. Танец в полумраке	18
Глава4. Поцелуй предательства	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кристалльные слёзы дракона

Глава1. Крик кристалла

Витриоль спал, а город дышал медленно и глубоко, как огромный зверь, свернувшийся в кристаллической чаше. Стены пульсировали медовым светом, и под кожей улиц билось чужое сердце. Кайрен чувствовал его ладонями, когда перепрыгивал с одного выступа на другой, и чувствовал, что кристалл был тёплым, живым и больным. Он двигался по крышам Стекланных Ярусов, где дома-соты светились изнутри разными оттенками: янтарным, розовым, бледно-зелёным. У каждого дома был свой характер, и у каждого была своя боль. Кайрен слышал их все, потому что это было проклятием Слышащего. Ты не можешь закрыться. Не можешь заткнуть уши. Ты просто идёшь вперёд, стиснув зубы, и стараешься не сойти с ума.

Ветер бил в лицо, пахло озоном, ладаном и горелой карамелью. Сладковато и тревожно, как пахнет город, когда кристаллы болеют. Он остановился на краю крыши. Внизу лежал Храм Кристаллов, огромный, прозрачный, выращенный из одного гигантского камня. Стены его светились изнутри, но свет был неправильный, красноватый, как гной в ране.

Кайрен прижал ладонь к стене, и кристалл отозвался вибрацией, низкой, на грани слышимости. Город пел, но песня сбивалась на хрип. Он закрыл глаза и слушал, а в висках стучало.

«Я слышу вас. Я иду».

Он спрыгнул.

Внутри Храма было тихо, слишком тихо. Двое стражников в серебряных доспехах стояли у входа, их алебарды поблёскивали в свете красного кристалла. Кайрен слышал их дыхание за двадцать шагов, ровное и сонное. Он прижался к колонне, приложил ладонь к камню, и его рисунки вспыхнули. Он попросил кристалл заглушить его шаги, и камень ответил болью. Ещё один год жизни в никуда.

Он скользнул мимо стражи как тень. Они ничего не заметили, потому что смотрели на главный кристалл. Лица их были обеспокоены, а руки на алебардах побелели от напряжения. Главный кристалл стоял в центре зала, огромный, в человеческий рост, формой драконьего сердца, заострённый сверху и расширяющийся книзу. Его прожилки пульсировали красным. Когда-то он сиял золотом, а теперь мерцал, как умирающий уголь.

Кайрен подошёл, протянул руку, коснулся этого сердца, и закричал. Не вслух, внутри. Кристалл обрушился лавиной образов, тысячи голосов, тысячи душ. Драконы, запертые в камне, их страх, их гнев, их отчаяние, и они кричали, умоляли, умирали.

«Ты слышишь нас?»

Кайрен упал на колени и побледнел. Его золотые рисунки горели так ярко, что освещали зал. Руки дрожали, по щекам текли слёзы, а он даже не замечал их.

«Да. Я слышу.»

«Освободи. Пока не поздно.»

«Я не знаю как.»

«Найди ту, что отдаёт. Она ключ. Она мост.»

«Кто она?»

Кристалл замолчал. Кайрен остался один, на коленях, в темноте, с болью, которая не проходила. Шаги. Он вскочил, метнулся за колонну и прижался спиной к холодному камню. Хотя он затаил дыхание, но рисунки всё ещё светились. Он постарался прикрыть их, но было поздно.

В зал вошла она.

Кайрен узнал её сразу. На ней была мантия Совета из тёмно-синего шёлка, расшитого серебряными кристаллами, с высоким воротником и длинными рукавами. Она двигалась точно и выверенно, как человек, привыкший, что за ним наблюдают. Серафина. Невеста Валериана. Целительница. Дочь Элианы.

Она была среднего роста, тонкая, но не хрупкая. Стальной стержень чувствовался в осанке, в повороте головы. Волосы цвета тёмного мёда, выющиеся, непослушные, собраны в строгую причёску, но одна прядь нашла свободу и выбилась. Глаза зелёные, как мох после дождя, с золотыми крапинками

по краям радужки. Кожа светилась изнутри, слабо и едва заметно, целительской магией. На левом запястье тонкий белый шрам от браслета, подавляющего магию. Валериан требовал носить такие всем своим приближённым.

Серафина подошла к кристаллу, протянула руку, коснулась, и её лицо исказилось. Кайрен видел, как она борется, как пальцы сжимаются в кулаки, как она хочет закричать, но не может. Невеста Валериана не имеет права на слабость, потому что за ней наблюдают, даже тут, даже когда она одна. Она стояла долго, слишком долго, потом отняла руку. Её дыхание прерывалось, глаза повлажнели, но она не заплакала, сдержалась.

Кайрен смотрел на неё и чувствовал всё: её боль, её страх, её одиночество. Он ощущал через кристалл, через магию, через то, что было сильнее магии. Она ушла и он тихо пошёл следом.

Сад кристаллов был полон света. Кристаллы в цветах светились разноцветными огоньками, светлячки вились в воздухе. Сильно пахло лавандой, озоном и магическими духами Серафины. Девушка шла быстро, слишком быстро, как будто убегала. Кайран неловко наступил на ветку. Оглушительный хруст разорвал тишину, и она резко обернулась. В этот миг их взгляды встретились.

Мир остановился.

Кристаллы вокруг ярко вспыхнули, и сад озарился золотом. Музыка камней сбилась, остановилась. Кайрен по-

чувствовал, как разгораются его рисунки. Кожа Серафины покрылась мурашками. Вокруг яростно вспыхивала магия. Они почувствовали друг друга через камень, кровь, эмоции, тайны, боль. Они смотрели друг на друга секунду, две, вечность.

Потом она заговорила. Её голос был ровным, но он чутко уловил дрожь.

— Ты осмеливаешься шпионить за Советом, бывший стражник?

Он сделал шаг ближе, и она не отступила.

— Я пришёл помочь тому, кого вы все предали.

Ещё шаг, и он увидел, как её пальцы сжимаются в кулаки, как она борется с собой. Её глаза полыхали гневом.

— Ты чувствуешь это, не так ли? Боль кристалла. Она у тебя в костях. В крови. Ты слышишь их крик даже сейчас.

Она молчала, слишком долго. Её губы дрожали, она явно хотела резко ответить, но не могла.

— Ты не должен здесь находиться. Если Валериан узнает...

Голос дрогнул и она рассердилась на себя за это.

— Твой жених больше заботится о власти, чем о жизни этих существ.

Она подняла подбородок. В глазах была гремучая смесь гнева и интереса. Серафина ненавидела его за правду, но хотела услышать ещё.

— Ты ничего не знаешь о моей жизни. О моих обязатель-

ствах.

— Я знаю, что ты несчастна. Я чувствую это через кристалл. Ты хочешь кричать, но не можешь. Ты же невеста Валериана. За тобой всегда наблюдают. Ты одинока, но под присмотром.

Она вздрогнула, как от пощёчины. Его удар попал в цель.

— Уходи. Сейчас же.

Он не двинулся. Поднял руку и потянулся к Серафиму неосознанным движением, будто хотел вытереть несуществующую слезинку. Тут же опомнился и быстро опустил.

— Я уйду. Но сначала скажи мне. Ты чувствуешь их? Драконов? Их боль?

Она молчала долго, потом едва слышно:

— Да.

Одно слово, но оно всё изменило. Он медленно кивнул и ушёл, но перед этим оглянулся. Она смотрела ему вслед, долго, слишком долго, как будто запоминала.

Глава2. Жених

Серафина вернулась во дворец. Её руки предательски дрожали и она спрятала их в складках мантии. Браслет на запястье горел огнём. Его огонь разгорался вместе с её чувствами. Валериан хорошо знал об этом, он и рассчитывал на это. Девушка вошла в его покои, где её жених сидел в кресле, как на троне. Она смотрела на него и видела словно впервые: 52 года, лицо словно железное, волосы серебряные, гладко зачёсанные. Глаза холодные, голубые, он почти не моргает. От его тяжёлого, немигающего взгляда становится неуютно. Валериан красив, но той красотой, которая пугает. Улыбка на лице без эмоций выглядит как гримаса. В своей чёрной мантии с золотым вышитым драконом, обвитым цепями, он сам выглядит драконом. На пальцах кольца: сапфир, рубин, обсидиан. От него всегда пахло сандалом и железом.

Её жених не поднялся, не предложил ей сесть, просто смотрел, как на вещь, как на инструмент, как на своё.

— Ты встретила его.

Не вопрос, а утверждение. Она попыталась отрицать, но он уверенно уточнил.

— Кайрена. Я увидел это в твоих глазах. Почувствовал через кольцо.

Он поднял руку, показал своё кольцо, обсидиан, чёрный камень. Оно связано с Молчаливыми, и Валериан всегда мог

чувствовать её эмоции. Это было частью сделки. Это была её тюрьма, её клетка.

— Ты дрожишь. Как интересно. Ты всё ещё думаешь о нём, я чувствую.

Он медленно встал. Высокий, широкоплечий, с военной выправкой. Каждое движение было выверенным, как у хищника, который знает, что жертва не убежит. Он подошёл, близко, слишком близко, и она чувствовала его дыхание на своей коже, сандал, железо, и что-то ещё тёмное. Валериан провёл пальцем по её щеке, медленно, от скулы к подбородку, там, где Кайрен почти коснулся кожи. Серафина слегка вздрогнула, не смогла сдержаться.

— Здесь, — прошептал он. — Он почти коснулся тебя здесь. Я прав?

Она молчала, её сердце бешено колотилось. Браслет горел так, что девушка едва не вскрикнула.

— Я следил за ним с тех пор, как его уволили. Он прячется в Осколках. Живёт в темноте, в грязи. Он опасен. Я знаю всё. Каждый его шаг, вдох. Он думает...о тебе.

Валериан отошёл к столу, взял медальон, овальный, потёртый, с портретом мужчины и женщины.

— Ты знаешь, что это?

Она покачала головой, но уже догадалась, по глазам мужчины на портрете, по тому, как сжались пальцы Валериана.

— Это медальон его отца, Дариана. Я забрал его год назад. Когда Кайрен пытался предупредить Совет, а я заставил его

замолчать.

Он сжал медальон, так сильно, что побелели костяшки. Долгим взглядом посмотрел на портрет, улыбнулся, но в улыбке не было радости, только память, боль, и неукротимая ненависть.

Совет собрался в главном зале, и кристаллы в стенах пульсировали золотом. Тогда они ещё светились золотом, тогда они ещё жили. Молодой Кайрен стоял перед Советом. Двадцать семь лет, тёмно-синий мундир стражника, серебряные нашивки, волосы собраны, глаза горели яростным пламенем. Он был красив, не мягкой красотой, а жёсткой и опасной. Он говорил тихо, голос был низким, с хрипотцой, но его слышали все.

— Они умирают. Мы высасываем их силу. Мы должны остановиться.

Валериан сидел в центре, молодой, но уже с серебряными висками, уже с холодными глазами, и смотрел на Кайрена, как на насекомое.

— Стражник, ты обвиняешь Совет в преступлении? Или ты просто безумен?

— Я слышу их. Я Слышащий. Последний. Они кричат. Каждый день. Каждую ночь. Они умоляют. Они умирают.

— Докажи.

Кайрен поднял руку, и золотые рисунки вспыхнули, ярко, так, что свет залил зал. Члены Совета отшатнулись, кто-то вскрикнул, кто-то закрыл лицо руками. Валериан не двинул-

ся, только глаза сузились, только пальцы сжали подлокотник кресла.

— Он опасен. Он одержим. Стража! Уведите его.

Стража схватила Кайрена, хотя он яростно сопротивлялся. Один из стражников упал, а второй больно выкрутил ему руку. В этот момент его медальон сорвался с шеи, и звякнув, упал на пол. Кайрен закричал, как обезумевший, но не от боли, а от потери, потому что медальон был единственным, что осталось от родителей. Валериан поднялся, подошёл, подобрал медальон, посмотрел на портрет и узнал.

— Дариан.

Он крепко сжал медальон, посмотрел на Кайрена, и в его глазах читалось что-то новое, что-то тёмное, что-то очень личное.

— Уведите его. И не выпускайте.

Кайрена уволокли, но его крик ещё долго звучал в зале, и эхо билось о кристаллы. Кристаллы плакали, но их никто не слышал. Валериан остался один, с медальоном в руке. Он долго смотрел на портрет, потом убрал медальон в карман и улыбнулся, так, как улыбается человек, который нашёл ключ к чему-то важному.

— Дариан был глупцом, — сказал Валериан, и голос был ровным, но побелевшие пальцы крепко сжимали медальон. — Он думал, что можно спасти всех. Он ошибался.

Он поднял глаза на Серафину.

— Ты выйдешь за меня замуж через три месяца. В Час

Сердца станешь моей королевой. Именно ты поможешь мне установить контроль над кристаллами. Империя будет единой. Драконы будут служить мне.

Она смотрела на него и ненавидела, но согласно кивнула, потому что у неё не было выбора. Её семья в опасности и только этим браком она может помочь.

Слушайся меня, девочка! А теперь иди. И не смей больше видиться с Кайреном. Иначе я уничтожу всё, что ты любишь.

Она повернулась и пошла к двери. Её руки дрожали ещё сильнее, браслет нестерпимо обжигал кожу.

— Серафина.

Она остановилась, не обернулась.

— Ты думаешь, я не знаю, что ты чувствуешь? Через кольцо. Ты хочешь его. Это... неприятно. Но я потерплю. Потому что ты моя. Навсегда.

Она ушла, закрыла дверь, прислонилась к стене и горько зарыдала, беззвучно, чтобы никто не услышал.

Запретная библиотека пахла пылью, воском и старыми книгами, кожаными переплётами, пергаментом, чернилами. Кайрен сидел за столом, сгорбившись, он с трудом разбирал древние выцветшие записи на пожелтевших листах старинного фолианта. Он медленно читал, вслух, шёпотом и слова оживали.

— Кровные линии. Кристаллы реагируют на кровь. На кровь Слышащих. Только они могут слышать. Только они могут освободить.

Он перевернул страницу, ещё одну, ещё. Его пальцы дрожали, и узоры рисунка тускло светились. Кайрен очень устал, но не мог остановиться. Он закрыл книгу, откинулся на спинку стула, посмотрел на свои руки, на золотые линии рисунка, которые пульсировали медленно и устало, и чувствовал, как уходит жизнь, год за годом, капля за каплей. Он внезапно подумал о Серафине, о том, как она смотрела на него, как её глаза вспыхивали, как она сказала «да», одно слово, которое всё изменило. Он хотел её, хотел болезненно, тоскливо, и не только тело, но и душу. Её боль, страх и одиночество отзывались в нём, и он хотел разделить их с ней, потому что сам давно был один. Кайрен дочитал, поднялся и подошёл к окну. Витриоль светился внизу медовым тёплым светом. Город дышал, город пел, но песня сбивалась на хрип.

Он прижал ладонь к стеклу, и кристалл отозвался теплом, болью, надеждой.

Я найду способ, — прошептал он. — Я обещаю.

В это время Серафина, как пойманная птица, билась головой о кристальную стену. Она глухо и беззвучно рыдала от бессилия, от постоянного контроля, от своего плена. Её браслет выжигал кожу почти до кости, но боль душевная была гораздо сильнее физической. Её участь давно predetermined и будущее безнадежно.

Лукас стоял в тени, наблюдал, улыбался. Это высокий, стройный, но не жилистый, как Кайрен, молодой мужчина. Он был не воином, он был придворным, с тонкими запястьями-

ми, ухоженными руками, с золотистыми волосами, волнистыми, падающими на лоб, с карими глазами, тёплыми, но не искренними, с обаятельной улыбкой, белыми зубами, ямочкой на левой щеке. Камзол на нём был ярким, тёмно-красным, с золотой вышивкой, дорогим, слишком дорогим для бастарда, и он носил его как вызов, как доказательство, что он достоин. Сапоги чёрной кожи, мягкие, начищенные до блеска, и на пальце перстень с гербом Валериана, змея, кусающая свой хвост. Он носил его с гордостью, хотя это было клеймо. Пахло от него вином, очень дорогим, и мылом, тоже безумно дорогим и редким.

Он видел всё, как Валериан по-хозяйски сжимал её талию, и гладил бёдра. Видел как Кайрен хотел прикоснуться к её щеке. Как кристаллы вспыхивали разноцветными всполохами, как музыка неожиданно сбилась, остановилась. Он видел Серафину так близко впервые. Она была прекрасна, не холодной красотой, а живой, настоящей. Её глаза горели, зелёные, с золотыми крапинками, а руки дрожали, но не от страха. От гнева, от страсти, от чего-то, что он не мог назвать, но чувствовал в себе тоже. Лукас хотел подойти ближе, заговорить, но молча стоял и смотрел. Валериан приказал соблазнить, отвлечь от Кайрена, заставить забыть обо всём, но сейчас, глядя на неё, он чувствовал другое, не приказ, не расчёт, не игру, а что-то тёплое, что росло в груди, что-то, что он хотел, но не мог остановить. Он видел, как Серафина вышла от жениха в слезах, как она осталась одна, у стены, платье

тусклое, почти чёрное. Она была несчастна, так же, как он, так же, как все в этом замке, только все это скрывали, а она нет.

Он подошёл и улыбнулся, ярко, обворожительно, но в глазах было что-то хищное, чего он не смог спрятать.

— Серафина, привет. Мы не знакомы. Я Лукас.

Она посмотрела на него, внимательно, как будто оценивала, как будто видела что-то, что он прятал.

— Бастард Валериана.

— Да. Ты знаешь меня?

— Я знаю многое.

— Тогда ты знаешь, что я не такой, как он.

Она молчала, смотрела, долго, потом улыбнулась, слабо, но улыбнулась.

— Ты странный.

— Я знаю.

Он протянул руку, но она не взяла, хотя и не отстранилась. Кристаллы вокруг них вспыхнули, слабо, но вспыхнули. В эту секунду Лукас почувствовал тепло, тёплое, настоящее, которое не имело отношения к Валериану, к его заданию и плану. Он отогнал это, улыбнулся шире, ярче, но в глазах осталось что-то, что он не смог и не успел спрятать.

Глава3. Танец в полумраке

Комната Серафины пахла лавандой и воском. Свечи горели в кристаллических держателях, и свет дрожал на стенах, как живые существа. Мира стояла позади неё, застёгивая бесконечные крючки на платье. Пальцы у служанки были быстрые, ловкие, с коротко остриженными ногтями. Она была маленькой, круглой, с румянцем на полных щеках, и рыжие волосы выбивались из-под чепца. Она то и дело сдвигала их со лба. Весёлые веснушки покрывали нос и скулы, как звёзды. Платье на ней было простым, серым, шерстяным, с заплаткой на локте, но чистым, всегда чистым, и она гордилась этим.

— Госпожа, вы будете самой красивой на балу, — сказала Мира, застёгивая последний крючок. — Я слышала, император приказал украсить зал живыми кристаллами. Настоящими. Не осколками. Говорят, они будутзавораживающе петь.

Серафина с грустью смотрела на себя в зеркало. Платье цвета полуночи, тёмно-синий шёлк, расшитый мелкими кристаллами, реагировало на её настроение. В этот час они были тусклыми, почти чёрными, потому что она злилась, и платье знало это.

— Мира.

— Да, госпожа?

— Ты веришь, что кристаллы живые?

Служанка замолчала, на секунду, потом продолжила застёгивать.

— Я верю, что в них что-то есть. Что-то, что чувствует. Когда я прохожу мимо Храма, у меня мурашки. Даже если холодно. Даже если ветер тёплый. Как будто кто-то смотрит. Изнутри. Ждёт.

Серафина кивнула, и она тоже чувствовала, всегда, с детства, но говорить об этом было опасно, слишком опасно.

— Готово, госпожа.

Серафина легко и быстро обернулась вокруг себя, оглядываясь со всех сторон. Платье облегло фигуру, но не стесняло движений — высокий воротник, открытые плечи, рукава длинные, но прозрачные. Мелкие кристаллы на ткани вспыхнули, когда она вздохнула, золотыми искрами.

— Ты прекрасна, — прошептала Мира. — Как королева.

— Я не королева. Я пешка.

Мира хотела возразить, но не успела, потому что дверь открылась без стука, и вошёл Валериан. Он всегда входил без стука, как хозяин, как палач. Он оглядел свою невесту, медленно, с ног до головы, как купец, оценивающий товар, и улыбнулся, не моргая.

— Идеально. Идём. Император ждёт.

Серафина взяла браслет со стола, надела на запястье, и он обжёг, как всегда, но она уже почти привыкла.

Императорский зал был огромным, а кристаллы в стенах тревожно пульсировали красным. Играла музыка, струнная,

тягучая, и придворные в шелках и драгоценностях кружились в танце. Все смеялись, пили вино, делали вид, что всё хорошо, что кристаллы не умирают, что империя не трещит по швам. Серафина вошла под руку с Валерианом, и головы повернулись как по команде. Взволнованный шёпот прокатился по залу. Девушка чувствовала взгляды-завистливые, жадные, злые, и платье полыхало золотом. Она заставила себя улыбнуться, но улыбка не касалась глаз. Валериан вёл её через толпу, как трофей, как доказательство своей власти. Кивал приближённым, улыбался холодно и расчётливо. Он наслаждался каждым шагом, каждым взглядом, и только он владел ею. Ему было важно, что все это видели.

У трона стоял император Адриан. Молодой, всего двадцать пять, но выглядел на сорок. Худой, бледный, светлые жидкие волосы прилипли ко лбу, глаза водянисто-голубые, потухшие, плечи опущены. Мантия императора, тяжёлая, парчовая, расшитая золотом, висела на нём, как на вешалке, слишком большая, непомерно тяжёлая. Он был всего лишь марионеткой. Об этом все знали, но никто вслух не говорил. Рядом с ним стояла леди Морвен. Она такая же худая, острые скулы, кожа бледная, почти серая, волосы чёрные, как вороново крыло, гладко зачёсанные, собраны в тугой узел на затылке. Огромные чёрные глаза, цвета обсидиана, не вспыхивали никогда. Её чёрное платье, глухое, не имело украшений, кроме серебряной броши со змеей, кусающей свой хвост. Она смотрела на Серафину и улыбалась

язвительной и кривой улыбкой, как человек, который знает то, чего не знаешь ты.

— Валериан, — сказал император, и голос был тихим, безжизненным. — Рад видеть вас. И вашу... невесту.

— Ваше величество. — Валериан поклонился, ровно настолько, чтобы показать уважение, не больше. — Позвольте представить Серафину. Целительницу. Мою будущую жену.

Император кивнул, посмотрел на Серафину, и в его глазах вспышкой мелькнула жалость и понимание. Он тоже был пленником, только в другой клетке, золотой, расшитой парчой.

— Прекрасна, — сказал он. — Как и её мать.

Серафина вздрогнула и посмотрела в глаза императору, её губы приоткрылись для вопроса. Он знал её мать, Элиану, она хотела спросить, но Валериан предупреждающе сжал её локоть. Пришлось промолчать.

Леди Морвен шагнула вперёд, улыбаясь острыми губами, и прошелестела как старая бумага:

— Серафина. Наслышана о вашем даре. Говорят, вы можете лечить даже тех, кого другие считают безнадежными.

— Я всего лишь делаю то, что могу.

— Скромность украшает. Но не здесь. Здесь украшает сила. Надеюсь, вы это понимаете.

Морвен тяжело посмотрела на Валериана. Этот взгляд был долгим, тяжёлым, и между ними прошла тёмная тень. Серафина почувствовала это через браслет на запястье, ко-

торое вспыхнуло болью.

Кайрен уверенно вошёл в зал, сразу музыка сбилась на полтакта, а кристаллы в стенах вспыхнули ярче. Красный цвет стал глубоким, как кровь. Люди обернулись, шёпот стал громче. Он был в тёмном камзоле, чёрный бархат, серебряная вышивка по вороту и обшлагам. Рубашка тёмно-серая, воротник не застёгнут. Тёмные волосы собраны в низкий хвост, на руках перчатки, тонкая кожа.

На левой руке Кайрена — **золотые рисунки**. Это тонкие светящиеся линии, похожие на трещины в фарфоре. Они идут от запястья до шеи. Узоры рисунка пульсируют в такт сердцебиению. Когда он спокоен, они светятся тускло, как угли в остывающем костре. Когда он использует магию Слышащего или испытывает сильные эмоции, они вспыхивают ярко, освещая всё вокруг. Когда Кайрен касается кристаллов, рисунки начинают кровоточить. Каждый контакт с кристаллами отнимает у него годы жизни, и рисунки тускнеют с каждым годом.

Он выглядел как аристократ, но двигался как воин, плечи напряжены, взгляд скользил по залу, тревожно искал, нашёл.

Их глаза встретились через весь зал, и Серафина почувствовала, как платье ярко вспыхнуло золотом. Она не могла это контролировать, потому что кристаллы на ткани реагировали на её сердце. А сердце билось быстро, слишком быстро, как птица в клетке, как пленник, который видит дверь, открытую впервые за долгое время. Кайрен смотрел, не от-

водя глаз. Его взгляд был тяжёлым и горячим, как расплавленное золото. Он тёк по её коже, по плечам, по шее, по губам, и она чувствовала его физически, как прикосновение, как ожог, как что-то, чего не должно было быть, но было.

Валериан заметил, и его пальцы клещами сжали её локоть, до синяков.

— Глубоко вдохни и выдохни, успокойся, — прошептал он. — Или я заставлю тебя.

Она заставила себя дышать ровнее и отвести взгляд, кристаллы на платье погасли, стали тёмными, почти чёрными.

Кайрен подошёл к императору, поклонился, ровно, достойно, и император кивнул ему, как равному. Валериан молча наблюдал, его глаза сузились, челюсть сжалась, а пальцы на бокале побелели.

— Представляю вам эксперта по кристаллам, — сказал император громко, чтобы слышали все. — Я лично пригласил его. После инцидента в северной провинции. Кристаллы там начали петь по-другому. Он единственный, кто смог это объяснить.

Зал сразу замолчал, а Валериан не мог возразить при свидетелях. Он холодно и пренебрежительно улыбнулся.

— Конечно. Мы рады любому, кто готов помочь империи.

Кайрен посмотрел на него долгим взглядом, потом перевёл взгляд на Серафину. Она тоже смотрела в его глаза и платье снова вспыхнуло. Оно предательски ярко загорелось золотом. Браслет на руке горел всё сильнее и сильнее. Вале-

риан это сразу увидел и побледнел от ярости. Он всегда всё видел и запоминал.

Серафина отошла к фонтану, ей нужно было воздуха, воды, чего-то, что не жгло. Фонтан был огромным, кристаллическим, необычайно красивым. Холодную воду изнутри пронизывал нежный голубой свет. Девушка опустила пальцы в воду и наконец-то прохлада освежила её. Внезапно сзади раздались уверенные чёткие шаги. Серафина замерла, но не обернулась, потому что знала, кто это.

— Ты рискуешь жизнью, приходя сюда.

— А ты рискуешь душой, выходя замуж за него.

Он стоял слишком близко. Её ноздри трепетали, ловя его запах, в котором смешались дым, железо, нагретый камень и ещё что-то живое и тёплое. Он вплотную приблизился к её спине, так, что она затылком чувствовала его дыхание, жаркое, ровное, терпеливое.

— У меня нет выбора. Моя семья...

— Выбор всегда есть.

Он медленно наклонился, его дыхание коснулось её уха. Серафина вздрогнула, её платье моментально вспыхнуло золотом, браслет на руке жёг нестерпимо. В фонтане сразу забурлила вода и кристаллы вокруг засветились ярче.

— Просто иногда выбор требует большой смелости.

Девушка медленно повернулась, их лица были близко, слишком близко. Она видела золотые искры в его серых глазах, а он видел золотые крапинки в её зелёных. Магия тре-

петала и резонировала, кристаллы пели громче, тревожнее. Люди в зале оборачивались, но не понимали, что происходит, не могли понять.

— Что ты здесь делаешь? — прошептала она.

— Я пришёл сказать, что Час Сердца ближе, чем ты думаешь. Валериан планирует ритуал. Он хочет навсегда поработить драконов.

— Откуда ты знаешь?

— Я слышу их. Через кристаллы. Они кричат. Они умоляют. Они говорят, что ты ключ.

Серафина со страхом отшатнулась. Вот он ответ — она ключ, именно она, сильнейшая целительница. Но что она могла?

— Ты ошибаешься.

— Я не ошибаюсь. Я знаю. Твоя мать тоже знала. Она пыталась остановить его. Поэтому и умерла.

Серафина окаменела, слова ударили, как нож. Её мать умерла не от болезни и не случайно. Валериан виновен в её гибели. Она со всей очевидностью поняла, что всегда это знала, но не позволяла себе думать, слишком больно, слишком страшно.

— Ты лжёшь.

— Я не лгу. Я чувствую. Через кристаллы. Они всё помнят. Просто ты боишься знать. Это больно.

Он медленно протянул руку, и его пальцы коснулись её браслета на запястье, который вспыхнул болью, ярко на-

столько, что свет залил фонтан, и вода стала золотой.

— Этот браслет, — сказал он. — Он подавляет твою магию. Но не твои чувства. Ты чувствуешь всё и всегда. Я это знаю. Я тоже чувствую.

Она смотрела на его тёплую сильную руку, лежащую на её руке и смесь противоречивых чувств волной поднималось к горлу. Девушка чувствовала безопасность и опасность одновременно.

— Кайрен.

— Серафина.

Музыка заиграла вальс, звуки раздались громче обычного. Немедленно возник Валериан, как тень, как хищник, как приговор.

— Серафина. Танцуй со мной.

Не вопрос, а хлёсткий приказ. Он посмотрел на Кайрена холодно, мёртво.

— Господин Кайрен. Наслаждайтесь балом. Но не подходите к моей невесте.

Кайрен отпустил её руку, медленно, не отводя глаз. Серафина с тоской почувствовала, как тепло уходит и вода в фонтане снова становится голубой, прозрачной, ледяной. Валериан увёл её в центр зала. Музыка играла, пары кружились, а кристаллы тревожно мерцали красным. Он вёл её безупречно, расчётливо, каждое движение контроль, каждое касание собственничество, и смотрел на неё, не моргая.

— Ты думаешь, девочка, что я не видел? Как вы смотрели

друг на друга. Твоё платье вспыхивало ярким золотом. Даже фонтан светился. Это... неприятно.

— Я ничего не могу с этим сделать.

— Можешь. Ты можешь перестать думать о нём. Ты можешь начать думать обо мне. О нашем будущем. Об империи.

— Империя не нуждается в тирании.

Он сильно сжал её талию, так, что перехватило дыхание.

— Империя нуждается в порядке и контроле. Надо быть сильным. Я дам ей это. А ты поможешь.

— Почему я?

— Потому что ты ключ. Твоя мать тоже была ключом. Она отказалась мне помогать. А ты уже не откажешься. Не сможешь.

Она смотрела на него, впервые без страха, с чистой ненавистью.

— Ты убил её.

Он не дрогнул, не отвёл глаз.

— Она предала меня. Предала империю. Предала всё, что мы строили. Твоего отца я убил ещё раньше, когда ты только родилась.

— Она полюбила другого.

— Да. И это было её ошибкой.

Музыка стихла, танец закончился, и Валериан отпустил её, поклонившись холодно, расчётливо, она ответила так же. Толпа аплодировала, и никто не понял, никто не видел, что

между ними произошло. Кайрен стоял у колонны, наблюдал, а золотые рисунки под перчатками полыхали. Он всё слышал. дождался момента, когда Валериан отошёл к императору и другим советникам. Тихо и быстро подошёл к Серафине так близко, что она чувствовала жар его тела, а воздух между ними плавился и искрил.

— Ты в порядке?

— Нет.

— Я знаю. Я чувствую.

Он осторожно взял её руку, незаметно, под складками платья, крепко сжал и она ответила. Кристаллы вокруг вспыхнули ярким золотом, музыка заиграла снова, но они не танцевали. Они просто стояли рядом друг с другом, среди толпы, но одни, связанные друг с другом через магию и кровь, через зарождающееся чувство.

— Расскажи мне о цене за свой дар, — прошептала она.

— Мои рисунки. Каждый раз, когда я касаюсь кристалла, я теряю год жизни. Но это стоит того.

— А я теряю год, когда лечу. Мы оба умираем за других.

— Тогда, может, нам стоит умирать друг за друга?

Она вздрогнула и посмотрела на него. В его честных глазах она прочла серьёзность и горечь без улыбки, без игры. Во взгляде была просто правда, просто предложение.

— Кайрен.

— Серафина.

Они стояли так вечность. Кристаллы пели, громче, тре-

вознее, ярче. Люди стали замечать, кто-то нахмурился, кто-то улыбнулся, но никто не рискнул подойти. Валериан немигающим взглядом смотрел из другого конца зала. Он закусил губу, а пальцы сжали бокал так, что треснуло стекло, и вино потекло по руке, красное и густое, как кровь.

Лукас снова наблюдал из тени и улыбался. Он видел всё и запоминал.

Серафина вышла на балкон. Ночь окутывала кристальный сад бархатным одеялом. Девушке нужно было срочно вдохнуть прохладного воздуха, целительного, не пропитанного слащавыми духами и ложью. Облокотившись на перила, она чувствовала холод кристалла, который казался самым обычным, как мрамор, не обжигал. Серафина дышала полной грудью. Свежесть и ночная прохлада взбодрили её. Раздались торопливые шаги. Она про себя улыбнулась, но не обернулась, потому что знала, кто приближался.

— Ты должен быть внутри. С гостями.

— Я не гость. Я эксперт. Эксперты могут уходить.

Кайрен встал рядом, не касаясь её, но так близко, что она чувствовала его тепло, его запах, его силу.

— Смотри. Созвездие Дракона.

Она подняла глаза на чистое тёмное небо. Вверху россыпью ярко горели звёзды и созвездие изгибалось, как дракон, как змей, как что-то древнее и живое.

— Они смотрят на нас.

— Да. Они всё видят. Всё помнят. Ждут.

— Чего?

— Освобождения.

Он повернулся к ней очень медленно. Их лица были близко, слишком близко. Серафина замерла и закрыла глаза. Кайрэн слегка мимолётно коснулся её губ поцелуем. Кристаллы внизу, в зале, взорвались золотом. Музыка замерла, пропустив несколько тактов. Люди почувствовали, зашептали, но так и не поняли, что произошло.

— Я не знаю, что делать, — тихо произнесла она.

— Я знаю. Мы сделаем это вместе.

— Как?

— Доверься мне.

Он медленно протянул ей руку с длинными, сильными пальцами. А она смотрела на его золотистые рисунки, горящие в темноте. Она взяла его ладонь и поднесла к своим губам, нежно целуя. Валериан выбежал на балкон, но было уже поздно.

Кайрен и Серафина стояли рядом рука в руке. Вокруг громко, тревожно, ярко пели кристаллы и созвездие Дракона смотрело на них с высоты.

— Что здесь происходит? — ледяной голос Валериана прозвучал страшно.

Кайрен отпустил руку Серафины очень медленно и посмотрел на Валериана прямо, без страха.

— Ничего. Мы просто смотрели на звёзды.

Валериан смотрел на них долго, пристально, а потом пре-

зрительно улыбнулся.

— Смотрите. Но помните, что звёзды не помогут.

Он спокойно ушёл, а Серафина посмотрела ему вслед, перевела взгляд на Кайрена, потом на небо, на созвездие Дракона. Оно мерцало, жило, ждало.

— Завтра, — шепнул Кайрен. — Завтра мы начнём.

Она молча кивнула, слова были не нужны, магия говорила за них, кристаллы говорили за них, всё было сказано.

Глава4. Поцелуй предательства

Комната Серафины была тёмной, свечи догорели, только кристаллы в стенах пульсировали медленным тусклым светом, красным, тревожным. Девушка лежала в постели, разбросав смятые простыни и влажные от пота подушки, а сон не шёл. Она смотрела в потолок и чувствовала кристаллы, как всегда, их боль, их страх, их ожидание. Они знали, что-то должно было случиться, сегодня, сейчас. Браслет на запястье жгло, всегда жгло, когда она думала о Кайрене, его глазах и его голосе. Она вспоминала прикосновение пальцев, поцелуй. От него веяло силой, спокойствием, но и опасностью.

Внезапно, повинуясь неведомой силе, девушка встала и пошла горячими ступнями по холодному полу. Тонкий шёлк ночной рубашки цвета слоновой кости окутывал её горячее тело. Больше ничего под ним, только кожа, только жар и бессонница. Она вышла в коридор очень тихо на цыпочках. Дворцовые стражи спали, или делали вид, ей было всё равно. Она быстро шла, как будто кто-то вёл её. Кристаллы в стенах слабо вспыхивали узнаванием, когда она проходила мимо.

Сад кристаллов виднелся недалеко от главных дверей замка. Его двери открыты, будто приглашали зайти. На улице гулял прохладный ночной ветерок, пахло лавандой и озоном, и чем-то ещё, тёплым и живым. Она вышла в ночь к манящему саду.

Сад кристаллов был волшебным, цветы светились изнутри, голубым, розовым, золотым, и светлячки вились в воздухе, как звёзды, упавшие с неба. Дорожки из белого камня светились под ногами, трава была мягкой, как ковёр, как постель. Серафина шла босиком, цветочные кристаллы чувствовали её, узнавали её и приветствовали. Тревожным сиянием они предупреждали её, и она чувствовала это всей кожей.

Он стоял у фонтана, того самого, и вода осветилась изнутри голубым, холодным. Она увидела его тёмный силуэт, широкие плечи, тёмные волосы, и тусклое свечение золотых узоров на левой руке. Он стоял спиной, руки в карманах, поза напряжена. Серафина остановилась в десяти шагах, не ближе. Он обернулся медленно, и их глаза встретились через сад, через свет, через ночь.

Взгляд Кайрена был тяжёлым и горячим, как расплавленное золото. Он тёк по её коже, лицу, шее, груди под шёлком, и она чувствовала его физически, как прикосновение, как ожог. Она сделала шаг навстречу, он не пошевелился. Она сделала ещё шаг и ещё, пока не осталось два шага, один. Она остановилась слишком близко, так близко, что чувствовала запах дыма и железа, тёплого камня.

— Ты не должен быть здесь, — проговорила Серафина срывающимся голосом. Она трепетала от чувств, и ненавидела себя.

— Я знаю.

Он не улыбнулся, не отвёл глаз, просто смотрел, как будто запоминал, каждую черту, каждую ресницу, каждую тень на её лице.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что ты тоже здесь.

Она вздрогнула, слова ударили, как разряд магии, как жестокая правда. Её губы пытались возразить, но не получалось, потому что это было правдой. Она пришла сама, никто её не вёл, никто не заставлял, она хотела встретить его.

— Что ты чувствуешь? — спросил он. — Не обманывай. Кристаллы всё знают. Всё чувствуют. Они ждут.

Она кивнула медленно и понимающе. Всё бушевало чувствами. Кристаллы в цветах пульсировали быстрее, светлячки вились вокруг них, как будто танцевали, и вода в фонтане забурлила.

— Я не могу, — прошептала она. — Моя семья. Мой долг. Валериан.

— Валериан, — Кайрен почти выплюнул это имя. — Он использует тебя. Как использовал твою мать. Как использует всех.

— Ты не знаешь.

— Я знаю. Я слышу. Через кристаллы. Они помнят. Твоя мать кричала. Когда умирала. Она кричала его имя.

Серафина застыла, эти слова вошли в неё, как нож, как яд, как правда, которую она знала, но не позволяла себе верить.

— Ты лжёшь.

— Я не лгу. Я чувствую. Всё и всегда. Это дар и моё проклятие.

Он сделал шаг и встал так близко, что она чувствовала его дыхание кожей, тёплое, ровное, терпеливое.

— Ты хочешь сбежать? — спросил он. — Вместе. Мы найдём место, где сможем исследовать кристаллы. Без Валериана и Совета. Без всех.

— Моя семья будет уничтожена. Он не прощает предательства.

— А ты? Ты простишь себя, если останешься?

Она молчала, смотрела на него, в его серые глаза, с золотыми искрами, в его лицо, горящие рисунки на руке. Он стоял как вкопанный, как воин, как человек, который не боится ничего, даже Валериана, даже смерти.

— Ты не понимаешь, — прошептала она. — Я должна ему. Моя семья... брат, бабушка. Он держит их. Через меня.

— А кто держит тебя?

Она тонула в его глазах, и видела себя, свою боль, страх, одиночество. А он всё знал, как всегда.

— Ты, — выдохнула она.

Он не улыбнулся, не отвёл глаз, просто смотрел, будто ждал, что она сделает, что скажет, что решит. Она потянулась к нему сама, ближе, ещё ближе, пока не осталось ничего между ними, только воздух, только жар, только желание.

Серафина подняла руку, медленно коснулась его лица кончиками пальцев. Нежно провела по шраму на щеке, по

подбородку, по губам, и он закрыл глаза на секунду, а когда открыл, в них горела любовь, голод, боль, надежда, страх.

— Серафина.

— Кайрен.

Она поднялась на кончики пальцев ног и поцеловала его.

Поцелуй был отчаянным, страстным, полным противоречий. Серафина целовала его и ненавидела себя за это, за то, что страстно хотела его, за то, что не могла остановиться. Кайрен целовал её и знал, что это предательство, но оно неизбежно. Кристаллы взорвались светом и сад ярко озарился золотом. Кайрен сжимал её в своих жарких объятиях, гладил прохладный шёлк, который не скрывал жар трепещущего тела. Его руки и губы становились всё настойчивее, уводя девушку в мир наслаждения. Кристаллы полыхали очень ярко, как огонь. Стало видно всё,- каждый цветок, каждый светлячок, каждую слезинку на щеках девушки. Кайрен чувствовал её тревогу, а Серафина чувствовала его голод, через магию, через кровь, через возникшее чувство.

Его пальцы запутались в прядях волос, медно-золотых, влажных от пота. Девушка гладила его широкую грудь через рубашку и чувствовала быстрое биение его сердца, громкое, как её собственное. Кайрен прижимал её к себе так сильно, что она чувствовала его всего, каждый мускул, каждую кость, каждый шрам. Серафина ощущала, что полностью растворяется в нём. Их тела требовали продолжения, они сплетались всё жарче. В последний миг девушку обо-

жгло болью от браслета. Она замерла.

Он отстранился, тяжело дыша, его глаза горели, а золотые рисунки светились ярко, как никогда. Серафина смотрела на него своими зелёными, с золотыми крапинками, глазами и слёзы текли по щекам, но она не вытирала их, не хотела.

— Этого никогда не должно было случиться, — задыхалась она.

— Но это случилось.

Он медленно коснулся пальцами её щеки, стирая слезу. Она вздрогнула от тепла, от нежности, от того, что он видел её настоящую, не невесту Валериана, не целительницу, не дочь Элианы, а именно её.

— Теперь мы связаны, — сказал он. — Не только кристаллами. Этим.

Он показал на свои руки, где золотые узоры пульсировали в такт её сердцу, в такт его сердцу, в такт тому, что было между ними.

— Ты чувствуешь наши сердца? — спросил он.

— Да.

— Я тоже.

Он отпустил её, очень медленно, нехотя. Она сделала шаг назад, потом ещё и ещё. Потом убежала босиком, по светящимся дорожкам, по саду, по ночи. Кайрен смотрел ей вслед очень долго, пока она не исчезла в темноте, в коридорах, в клетке. Он посмотрел на свои руки, которые светились ярким ровным золотом. Он чувствовал её, даже сейчас, даже

на расстоянии, её страх, её желание, её боль.

— Серафина, — крикнул он, в ночь, в сад, в кристаллы.
— Я найду способ.

Серафина вернулась в свою спальню, закрыла дверь и прислонилась к стене, сползая на пол, на холодный камень. Она заплакала беззвучно, чтобы никто не услышал, чтобы она сама не слышала свои мысли, свои чувства, своё предательство. На стене висел портрет матери, там Элиана молодая, красивая, с теми же зелёными глазами с золотыми крапинками, смотрела на Серафину с укором, но и пониманием.

— Прости меня, — онемевшими губами пробормотала Серафина портрету, матери, себе. — Я не хотела. Я не могу остановиться. Я не знаю, что дальше...

Кристаллы в стенах пульсировали медленно и тускло, они слышали и чувствовали её. Они знали, что она сделала, что она сделает, что выберет, и ждали. Она подняла руку и посмотрела на браслет, одетый на запястье, который обжигал, как никогда. Девушка понимала, что теперь и Валериан знает обо всём через кольцо, через кристаллы, он ждал и наслаждался.

Она закрыла глаза, прислонилась к стене и позволила себе чувствовать боль, страх, желание.

Валериан стоял в тёмной комнате пе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.